

В последние годы правления шанского вана У-и Поднебесная уже давно не напоминала былое процветание времен государя Чэна. Столица Инь утопала в роскоши и разврате: дворцы тянулись один за другим, а пруды с вином и леса из мяса не умолкали ни днем, ни ночью. Хотя западные удельные князья внешне оставались покорными, втайне их сердца уже кипели от недовольства, а смуты зарождались во мраке. Царский двор обложил народ непосильными податями, повинности следовали одна за другой, и простолюдине влачили жалкое существование на грани голода и холода. По всей Центральной равнине то тут, то там виднелись заброшенные поля и толпы изгнанников.

Царство Лю располагалось на окраине Сици — его едва ли можно было назвать богатым уделом, а тем более оплотом царского двора. Напротив, из-за своего приграничного положения оно избежало дворцовых интриг, но зато сполна испило чашу народных страданий. В десятке ли от столицы царства Лю приютилась глухая, убогая деревенька: с десятков разрозненных соломенных хижин с продуваемыми насквозь соломенными крышами и облупленными глиняными стенами. Именно здесь ютились последние уцелевшие представители рода Цзян.

Изначально род Цзян был прославленным древним кланом: их предки помогали великому Юю обузывать воды, за что получили во владение земли Лю. Из поколения в поколение они передавали свой титул, обладая глубокими научными традициями и преуспевая в гаданиях, И Цзин, астрономии, географии и военном искусстве управления государством. Однако после смены нескольких династий число потомков в роду неуклонно сокращалось. К тому же шанский ван почитал духов и демонов, презирая древних мудрецов, и беспощадно притеснял знатные роды древности. В итоге клан Цзян окончательно пришел в упадок, а до поколения Цзян-ши и вовсе скатился до того, что едва сводил концы с концами, обрабатывая скудный клочок земли и плетя циновки, и жил хуже самых обычных крестьян.

Этой ночью небо было черным, как густые чернила. Яростный вихрь принес с собой ледяной дождь, который с грохотом обрушился на соломенные крыши, казалось, намереваясь полностью снести эту хрупкую хижину.

Внутри царил холод и запустение.

Солома на крыше давно обветшала, прогнила и потрескалась во многих местах. Холодные капли дождя сквозь дыры одна за другой падали на глиняный пол, поднимая крошечные брызги, а в лужах на неровном полу отражался слабый, тусклый желтый свет масляной лампы из угла комнаты. Ледяной ветер безумной струей врвался через щели в стенах и между соломинками, заставляя пламя лампы трепетать. Внутри было холодно, как в ледяном погребу, от каждого вдоха мороз пробирал до костей, а выдыхаемый белый пар мгновенно растворялся в ледяном потоке.

На глиняном кане был расстелен тонкий слой сухой соломы, поверх которого лежала потертая до блеска старая конопляная ткань. Цзян-ши, вся в холодном поту, с лицом белым как бумага и посиневшими от холода губами, обессиленно лежала на ней, только что пережив роды, в которых чудом осталась жива.

Она и без того была слаба здоровьем, круглый год принимала лекарства, а в доме царила

нищета — во время беременности ей порой не удавалось досыта поесть даже грубой пищи, не говоря уже о питательных средствах для поддержания сил. Во время родов она потратила последние крохи энергии, теперь же едва дышала и не имела сил даже поднять руку.

Снаружи переплетались звуки дождя и ветра, а внутри раздавалось лишь слабое дыхание роженицы вперемешку с непрерывным заунывным завыванием за окном.

Повитуха, пожилая сельская женщина, повидавшая немало родов в бедных семьях, сейчас выглядела крайне сурово. Она осторожно поднесла младенца к Цзян-ши и тихо вздохнула:

— Госпожа Цзян, родился мальчик. Телосложение на вид хрупкое, но странное дело: едва появившись на свет, он заплакал один раз, а после ни звука, ни каприза.

Цзян-ши дрожащим голосом переспросила:

— Почему не плачет? Разве... разве дыхание нарушено, что-то не так?

— Я принимаю роды всю жизнь, но такого еще не видела, — понизила голос повитуха. — Обычные младенцы после рождения либо заливаются криком, либо спят в беспамятстве. А этот — гляди-ка, глаза открыты, пугающе тихо ведет себя, прямо как смысленный ребенок.

Цзян-ши дрожащей рукой протянула ладонь. Кончики ее пальцев коснулись теплого, но худенького тельца младенца, и слезы мгновенно покатались из глаз, смешиваясь с холодным потом на лбу и капая на ветхую конопляную ткань, оставляя небольшое влажное пятно.

Младенец с закрытыми глазами лежал крошечным комочком, исхудавшим до одних костей, но при этом вел себя на редкость тихо.

Вскоре он медленно открыл глаза. Его взгляд оказался ярким, как звезды на ночном небе, чистым и прозрачным, без малейшей земной грязи и без свойственной новорожденным младенцам затуманенности. Напротив, в них сквозило не по возрасту глубокое спокойствие и пронизательность.

Он не плакал, не сопротивлялся, лишь слегка повернул головку и устремил взгляд прямо в темное ночное небо за окном. Его взор пронзил дырявую крышу, свирепствующий ветер и дождь, намертво приковавшись к семи самым ярким, устойчивым и величественным звездам ночного неба — к Семи звездам Большой Медведицы.

Дыхание младенца было легким и ровным, словно он находился в унисоне с Небом и Землей, с самым звездным небом. С рождения он был способен резонировать со всеми проявлениями вселенной, и вокруг него незримо клубилась едва заметная, чистейшая ци. От него не пахло молоком, как от обычных младенцев; напротив, веяло горным родником и небесными облаками — свежо и чисто, до глубины души пробирающе.

Старая повитуха остолбенела, невольно отступила на полшага назад и забормотала про себя:

— Странно... поистине странно... Откуда у такого крошечного ребенка такой взгляд? Уж не... уж не таит ли он в себе нечто необычное?

Сердце Цзян-ши сжалось, и она из последних сил спросила:

— А-по, посмотри на него... Не предвещает ли это какой-то беды?

— На дурное не похоже, — покачала головой повитуха. — Просто эта ци слишком чиста, а взгляд слишком ясен. Не похоже на смертную плоть, скорее... словно небесное светило пало в мир смертных.

Цзян-ши затряслась от жалости. Глядя на тощее тельце ребенка, а затем на голые стены и ледяной дождь в продуваемой хижине, она чувствовала, как ее сердце разрывается на части. В доме свистел ветер, рисовый горшок давно опустел, оставив лишь полгорсти отрубей, на очаге не было ни огня, ни еды — не то что горячего супа не сварить, даже мягкой чистой тряпицы, чтобы завернуть ребенка, не нашлось. На ней самой было лишь выцветшее добела старое конопляное платье в бесчисленных заплатах, и без того бывшее ее единственной пристойной одеждой. Сейчас оно насквозь пропиталось холодным потом и дождем, леденя до самых костей.

Но, глядя на не плачущего и не капризного младенца с ясными глазами в своих руках, Цзян-ши прикусила потрескавшиеся губы и ни секунды не колебалась. Дрожащей рукой она ухватила подол собственного платья и изо всех сил принялась отрывать от него большой кусок грубой ткани. Материя оказалась жесткой и плотной, до красноты натерев ей пальцы, но она не обращала на это внимания. Осторожно и нежно завернув новорожденного в старую ткань, хранившую тепло ее тела, она кутать за кутывала его слой за слоем, страясь уберечь от малейшего дуновения ледяного ветра.

— Тяжелая доля выпала тебе... мой малыш... — голос Цзян-ши дрожал и был едва слышен. — Мама никуда не годится: не смогла дать тебе надежного крова, не смогла накормить досыта, и даже целого куска пеленки для тебя не нашлось... Обидели мы тебя, обидели...

Младенец, казалось, понял слова матери: он слегка пошевелил крошечной ручкой и легонько ухватился за кончик пальца Цзян-ши. Нажим был совсем слабым, но неожиданно твердым. Он по-прежнему смотрел на Большую Медведицу за окном, не отводя взгляд ни на йоту, и на его личике не было ни тени обиды или капризов — напротив, в нем сквозило спокойное и непоколебимое уверенное выражение, будто он давно знал свою судьбу в этой жизни: не горевать о нищете и не бояться холода и тягот.

Цзян-ши безудержно плакала, тихо шепча:

— Раз уж ты понимаешь слова матушки, живи долго и счастливо. Не вини маму за рождение в нищете и не держи зла на трудности этого мира...

Повитуха рядом мягко утешила ее:

— Госпожа, не стоит так сильно убиваться. Спокойный ребенок — это величайшее благословение. С таким нравом он вырастет человеком твердым, минует беды и невзгоды.

Наблюдая за этой сценой, старая повитуха испытывала все большее удивление и тревогу. Она чувствовала, что этот младенец — вовсе не простой смертный, и, не смея больше ничего говорить, молча осталась стоять рядом, не решаясь потревожить их покой.

Дождь и ветер усиливались. Снаружи внезапно послышались торопливые шаги в сопровождении хриплого старческого окрика — преодолевая ледяную бурю и дождь, кто-то со всех ног спешил сюда:

— Госпожа Цзян... Где госпожа Цзян? Старик... старик припозднился!

Голос звучал старо, но в нем слышалась непреклонная торжественность. Это был старейший и самый уважаемый в деревне Учжу. Перешагнув девяностолетний рубеж, седовласый, сплошь покрытый морщинами старик обладал хоть и слезящимися, но пронизательными глазами, способными наблюдать за астрологией, исследовать земную ци и распознавать людские судьбы. За всю жизнь он редко покидал свои места, но сегодня в эту дождливую и ветреную ночь, невзирая на почтенный возраст и немощь, лично пришел сюда под дождем.

На нем была накинута старая соломенная накидка, насквозь промокшая от дождя и плотно прилипшая к телу, волосы и борода покрылись каплями воды, а матерчатая обувь глубоко увязала в грязи. Шагая шатаясь, он ни на секунду не останавливался, направляясь напрямик к хижине Цзян-ши.

Услышав оклик, старая повитуха поспешно отворила дверь и понизила голос:

— Учжу-дажэнь, почему вы пожаловали? В такую непогоду поберегли бы здоровье!

Учжу тяжело задышал и с порога спросил:

— В доме только что появился новорожденный? Старик ночью наблюдал за астрологией: в созвездии Большой Медведицы произошло движение, и фиолетовое сияние пало сюда. Вот я и пришел взглянуть!

Повитуха испуганно закивала:

— Именно так, только что родился мальчик. До того странный: не плачет, не шумит, глядит на Большую Медведицу.

Учжу ничего не ответил. Едва переступив порог, он внезапно замер на месте, всем телом содрогнувшись. Вся его усталость и растерянность мгновенно исчезли, сменившись предельным потрясением и благоговением.

Легкая чистая ци в комнате, казалось бы слабая, на деле обладала необъятной и грандиозной мощностью — подобно тому, как реки впадают в море или звезды падают на землю. Не имея формы и плоти, она ворвалась прямо в его дух, заставив старика, десятилетиями практиковавшего гадания и постигавшего инь и ян, мгновенно всколыхнуться душой. Ноги помимо его воли подогнулись, и он рухнул на холодную грязную землю, задрожав всем телом. Устремив взгляд в сторону глиняного кана, он испустил вопль, полный благоговения и изумления:

— Фиолетовое сияние пронзает дом! Звездный свет освещает тело! Большая Медведица привлекает ци внутрь, Небесная Воля нисходит на смертную плоть... Старик прожил более девяноста лет, но никогда не видел столь благоприятного и дивного знамения, никогда не видел столь истинного сына Небесной Воли!

Испуганная Цзян-ши попыталась приподняться, чтобы поддержать его, но у нее не было сил, и она лишь слабо промолвила:

— Учжу-дажэнь... Встаньте же... На полу сыро и холодно, так нельзя... Мой ребенок — всего лишь простое дитя, как он смеет принимать от вас столь великий поклон?

Учжу покачал головой, и его голос задрожал:

— Поклон? Старик кланяется не тебе. Я кланяюсь predetermined мудрецу, я кланяюсь основе будущего поднебесной!

Учжу продолжал стоять на коленях, не поднимаясь, и пристально глядел на завернутого в старую ткань младенца, на то, как тот вглядывается в Большую Медведицу, на едва заметный чистый свет вокруг него. Слезы текли градом по его щекам, а хриплый голос звенел твердой сталью, разносясь по холодной хижине и пронзая бурю:

— Госпожа Цзян, послушай старика! Этот мальчик — отнюдь не простой человек, он — небесами назначенный благородный муж!

— Половину своей жизни он проведет в нищете подобно траве у обочины, запертый в холоде и лишениях, затерянный среди диких гор, испытав все превратности людских судеб и испив до дна чашу земных страданий. Он подобен дикой траве, пробивающейся сквозь каменную осыпь, или же жемчужине, чей блеск скрыт под слоем ила и песка — никто не разглядит его истинного лица, никто не узнает о его талантах!

— Но когда придет час ветров и облаков, когда поднебесная содрогнется от перемен, он раздвинет тучи и взмоет в небеса! Полжизни в его руках будет сосредоточена власть над всей поднебесной: он станет наставником императоров и правителей, поможет мудрому монарху навести порядок в государстве, водворить мир и усмирить мятежное время!

— Старик дерзает поклясться собственной жизнью: имя правителя поднебесной изменится благодаря ему! Династия Шан исчерпала свой предел, дом Чжоу должен возвыситься, а он станет тем самым первостепенным сподвижником, что заложит новую династию и установит восемь веков имперского мира!

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба.

Старая повитуха от страха побледнела и поспешно зажала рот руками, не смея издать ни звука. Шанский ван все еще правил, Поднебесная по-прежнему принадлежала Инь-Шан, и разговоры о смене правящей династии в случае их доноса чиновникам грозили истреблением всего рода!

Цзян-ши затряслась еще сильнее, лицо ее стало мертвенно-бледным, и она торопливо замахала руками:

— Учжу-дажэнь, нельзя говорить такое! Ни в коем случае нельзя! Наш род Цзян и так пал до нищеты, мы лишь молим о том, чтобы ребенок вырос здоровым и в спокойствии коротал дни за скромной трапезой. Мы не смеем мечтать о богатстве и власти и тем более не хотим быть замешанными в великих делах поднебесной. Умоляю вас взять свои слова назад, чтобы не навлечь на род Цзян кару полного уничтожения!

Учжу медленно поднялся на ноги, вытер с лица дождевые и слезные капли, и с суровым лицом покачал головой, вздохнув:

— Старик говорит не пустое и не льстит — это то, что видят мои небесные очи, то, к чему ведет Небесная Воля. Кое-что предопределено свыше, людской волей этого не изменить и от беды не скрыться. Судьба этого ребенка давно записана на звездном небе и высечена между Небом и Землей. Нищета — лишь закалка, а холод и лишения — лишь проверка духа. Когда настанет час, никто не сможет его остановить!

Цзян-ши все еще была охвачена страхом:

— Откуда дажэнь знает, что династия непременно сменится? Шанский ван на престоле, князья покоряются. Подобные речи, стоит им просочиться наружу, навлекут беду на всю деревню!

— Шанский ван У-и стреляет в небо, оскорбляет духов и презирает народ, утратив и небесный путь, и людские сердца, — мрачно произнес Учжу. — Государственная удача давно угасла, срок ее на исходе. Старик наблюдает за звездами уже не один десяток лет и не может ошибаться.

Повитуха тоже не удержалась от вопроса:

— Дажэнь, неужели у этого малыша и впрямь столь великая судьба? Но ведь он родился в такой убогой хижине, в будущем ему будет нечего есть — какая уж тут помощь мудрому монарху и усмирению поднебесной?

Учжу тяжело вздохнул:

— Если Небо хочет возложить на человека великую миссию, оно непременно сначала утомляет его сердце и волю, изнуряет его мышцы и кости. Не познав нищеты, не узнаешь народных страданий; не вкусив холода и лишений, не поймешь бедствий простого люда. Лишь пройдя через испытания, можно свершить беспрецедентные подвиги.

Он повернулся и посмотрел в угол комнаты, остановив взгляд на трех покрытых пылью, но бережно сложенных старых вещах. В его глазах вспыхнуло еще большее благоговение. Медленно подойдя к ним, он осторожно смахнул пыль и, беря в руки каждую вещь по очереди, тихо и с глубоким уважением заговорил.

...Никогда не прерывалась...

Первой оказалась половина бамбукового свитка. Бамбуковые планки давно пропитались копотью от огня, края их потемнели и были сильно повреждены, но их тщательно починили. Начертанные на них письмена были четкими и архаичными, каждая черта и каждый штрих — древнее иероглифическое письмо. Это был подлинный обрывок древнейшего в Китае И Цзин. Пусть свиток был старым, иероглифы излучали сияние, заключая в себе великий закон Неба и Земли, а все изменения инь и ян, взаимное порождение и преодоление пяти стихий заключались внутри них.

Учжу нежно погладил бамбуковые планки и вздохнул:

— И Цзин — это книга Неба и Земли, она постигает инь и ян, ведает благоприятное и неблагоприятное, наблюдает небесный путь и познает человеческие дела. Этот свиток передан предками рода Цзян; пройдя через пламя войн и смут, он не был утрачен. Передача этого свитка мальчику означает, что он унаследует древнее мастерство мудрецов, постигнет высшую истину мироздания, с помощью И Цзин определит судьбы поднебесной и посредством гаданий распознает взлет и падение династий.

Цзян-ши тихо промолвила:

— Это единственная книга, оставленная покойным мужем. Хотя я ничего в ней не понимаю, но протираю ее каждый день, боясь повредить.

— Ты поступила совершенно верно, — кивнул Учжу. — Этот свиток — не простая вещь, это духовная основа рода Цзян, а также фундамент будущих знаний этого ребенка.

Вторым предметом была маленькая бронзовая печать предков. Сама она была крошечной, покрытой патиной, архаичной и тяжелой, с высеченными на ней древними и сложными узорами. По центру печати красовался четкий иероглиф Цзян, который сквозь тысячелетние ветры и морозы сохранил острые грани и не утратил былого величия. Это была родовая печать клана Цзян, реликвия, переданная предками, олицетворявшая кровь и славу древнего знатного рода. Несмотря на падение, ее никогда не выбрасывали.

— Эта печать — душа предков рода Цзян, корень семейной преемственности, — кончик пальца Учжу коснулся бронзовой печати, и голос его стал глуше. — Род Цзян пришел в упадок, но кровь не прерывалась, а кости не потеряли крепости. Владея этой печатью, мальчик унаследует тысячелетнюю славу рода Цзян. В будущем, обладая властью над всей поднебесной, он не забудет устремления предков, не посрамит фамильное имя рода Цзян, принесет мир поднебесной своим талантом и окружит заботой простой люд своей добродетелью.

У Цзян-ши защипало в глазах:

— Наш род Цзян пал столь низко, что я давно не смею упоминать о славе предков — лишь бы кровь не прервалась.

— Слава кроется не в знатности рода, а в сердце, в костях, в преемственности, — произнес Учжу. — С появлением этого ребенка род Цзян непременно возродится.

Третьим предметом был пучок тысячелетнего тысячелистника. Стебли травы полностью высохли, но, пережив три смены династий, смену жары и холода, они не сгнили и не испортились — прямые, жесткие и прочные, как прежде. Тысячелистник испокон веков считался священным инструментом для гаданий, и найти тысячелетний экземпляр было величайшей редкостью. Обычная трава вянет за несколько лет, но эта, простояв невредимой при трех династиях, обрела духовность и впитала избыток небесной ци, став незаменимой вещью для древних мастеров гадания.

Учжу смотрел на тысячелистник с благоговейным изумлением:

— Тысячелетний тысячелистник, не гниющий при трех династиях, одухотворенный и божественный, способный постичь волю небесных духов и измерить сроки возвышения и гибели поднебесной. Эта трава появилась на свет вместе с мальчиком, чтобы он гадал по ней о Небесной Воле, определял безопасность и опасность своими способностями, свыше познавал астрономию и небесные светила, внизу — географию и горы с реками, а посередине — взлеты и падения людских судеб, став редчайшим мудрецом и талантом как в древности, так и ныне!

Повитуха не удержалась от вопроса:

— Дажэнь, неужели эта трава и впрямь может общаться с богами? Прожив всю жизнь, я никогда не видала столь непортящейся травы.

— Небесные сокровища выбирают себе хозяина по душе, — спокойно ответил Учжу. — То, что она осталась здесь, означает лишь одно: она ждала рождения этого ребенка.

Закончив говорить, Учжу повернулся, снова взглянул на младенца на кане и низко поклонился, произнеся исключительно торжественным тоном:

— Половина свитка И Цзин хранит в себе небо и землю, одна печать предков продолжает семейный завет, пучок тысячелистника связывает с духами. Эти три старые вещи, появившиеся вместе с рождением ребенка, — предопределенная преемственность, воля самих Небес. Госпожа Цзян, тебе не о чем тревожиться и нечего бояться: хоть этот мальчик родился в убогой хижине и растет в нищете, его хранят сами небеса, а попутные ветра и тучи сопровождают его путь.

Прижимая к груди спокойного и тихого ребенка, слушая каждое пророческое слово Учжу, глядя на три семейные реликвии в комнате и на яркие, как звезды, глаза ребенка, устремленные на Большую Медведицу, Цзян-ши испытывала целую бурю чувств. Страх, тревога, жалость, растерянность смешались со слабым, но непоколебимым ростком надежды,

который тихо пробивался в глубине ее сердца.

Она мягко погладила исхудавшее личико ребенка, и слезы покатались из глаз:

— Малыш, мама не молит о том, чтобы ты властвовал над поднебесной и оставил имя в истории — я хочу лишь, чтобы ты рос здоровым и прожил жизнь гладко и благополучно. Но раз такова воля Небес, раз на твоих плечах лежит столь тяжелый груз, мама отдаст жизнь, чтобы вырастить тебя, обучить грамоте и передать семейные знания, чтобы ты не посрамил предков и этот дар Неба и Земли...

Младенец, казалось, все понял: уголки его крошечных губ чуть приподнялись, являя слабую улыбку, а взгляд по-прежнему был устремлен на Семь звезд Большой Медведицы.

Цзян-ши тихо спросила:

— Ты тоже всё понял? Ты тоже согласен идти по этому трудному пути?

Малыш слегка пошевелил ручонкой, словно отвечая, и чистая ци в комнате чуть колыхнулась, отчего пламя лампы зажглось ярче.

Повитуха шепнула рядом:

— Госпожа, посмотрите, он и впрямь одарен духом, в будущем он непременно оправдает ваши старания.

На ночном небе сверкала Большая Медведица, ее устойчивый свет пробивался сквозь бурю, озаряя эту полуразрушенную холодную хижину. Фиолетовое сияние мерцало в вышине, звездный свет проникал в тело младенца, а три фамильные реликвии тихо лежали на месте, источая слабый свет, сливающийся с чистой ци мальчика.

Учжу стоял в комнате, глядя на Большую Медведицу, и бормотал про себя:

— В конце правления шанского вана У-и фиолетовое сияние явилось из убогой хижины, и Большая Медведица ниспослала мудреца... Близится великая смута поднебесной, грядет мудрый государь, а он в конце концов выйдет из низов, чтобы ступить на путь императорского наставника и переписать судьбу этого мира...

Повитуха тихо спросила:

— Дажэнь, как нам быть дальше? Об этом ни в коем случае нельзя распространяться.

Учжу строго произнес:

— Молчать — значит защитить его и уберечь всю деревню. Когда он вырастет, ветры и облака сами отыщут его дорогу.

Холодный дождь продолжал капать, ударяясь о лужи с мелодичным звоном, словно увертюра, сыгранная самой природой, предвещающая закат старой эпохи и рождение новой. А тот не плачущий и не капризный младенец с созвездиями в глазах тихо спал в теплых, но хрупких объятиях матери, в убогой и бедной хижине, ожидая бурю и перемены в поднебесной.

Буря постепенно утихала, на краю неба забрезжил бледный рассвет — наступила вторая половина ночи. Убедившись, что мать и дитя в безопасности, а на сердце у нее тяжким грузом лежало предсказание Учжу, старая повитуха не смела задерживаться. Еще раз наказав Цзян-ши беречь себя и ни в коем случае никому не рассказывать о сегодняшней ночи, она тихо ускользнула под остатками дождевых капель. Шаги ее были легкими, но сердце трепетало от потрясения — она чувствовала, что увиденное и услышанное этой ночью останется с ней до конца дней.

Учжу еще долго стоял неподвижно в хижине, разглядывая младенца, вглядывавшегося в Большую Медведицу, и снова и снова бросая взгляды на половину свитка И Цзин, бронзовую печать предков и тысячелетний тысячелистник. Лишь когда восток порозовел и звезды начали меркнуть, он тяжело вздохнул и низко поклонился Цзян-ши.

— Госпожа Цзян, старик прощается. Впереди вас ждут долгие годы нужды, лишений и тяжелых испытаний — надеюсь, вы выстоите. Судьба этого ребенка необычайна: в детстве он будет отличаться от других, не любя плакать и шуметь, предпочитая наблюдать за небом и землей. Вы не должны думать, будто он глуп, и тем более не принуждайте его играть и резвиться, как прочие дети.

Цзян-ши обессиленно прислонилась к глиняному кану; ее малыш мирно спал на руках, и она тихо ответила:

— Я запомнила, дажэнь. Каким бы он ни был, он мой ребенок, и я выращу его со всей заботой, не допуская небрежения.

Немного помолчав, Цзян-ши дрожащим голосом переспросила:

— Дажэнь, раз судьба этого ребенка предрешена, смогу ли я, слабая женщина, и вправду оградить его от бед и пережить эту половину жизни в нищете?

Учжу закрыл глаза и вздохнул:

— Стойкое сердце принесет мир, твердая воля сохранит все. Коль ты стала матерью, Небо и Земля сами оставят лазейку, чтобы провести вас через все преграды.

— Помни же, помни. — С тяжелыми шагами Учжу дошел до двери, обернулся, еще раз взглянув на едва заметную чистую ци в глубине хижины, и пробормотал себе под нос: — Основы восьми веков имперского мира связаны с этим ребенком, и Небо с Землей сами защитят его...

Согбенная фигура старика растаяла в утреннем тумане, и в хижине вновь воцарилась тишина.

Лишь слабый огонек масляной лампы освещал мать с ребенком, три семейные реликвии и застывшие лужи на полу на фоне светлеющего за окном неба.

Время шло незаметно, сменялись холода и жара, и в мгновение ока прошел целый год.

<http://bllate.org/book/19338/1890977>